

Самый высокий жанр юмора — ирония. К такому выводу пришли очень серьезные исследователи этой уникальной человеческой способности, наиболее убедительно отличающей нас от других животных.

Ирония бывает убийственной, но она же и спасительна — и для тех, кто ею обладает, и для общества, способного ее воспринимать.

Когда после безудержно веселых а-ля-голливудских советских комедий у нас появилось ироничное кино, тоталитарная система дала трещину.

И во многих из этих фильмов Голосом за кадром был он — Зиновий Гердт. Этот же голос слышали зрители образцового театра кукол.

Теплый, грустный, умный, ироничный — как еще его можно определить? Голос человека, знающего, что человек слаб, и прощающего — но и опечаленного этим. Голос мудреца, стесняющегося своей мудрости...

Конечно, замечательно, что мы не только слышали, но и видели Гердта — в «Автомоби-

ле, скрипке и собаке Кляксе», в шварцевской «Тени», в шушкинских «Печках-лавочках», в «Ключе без права передачи», в «Фокуснике», в «Золотом тельце»... И — да, безусловно, никто лучше него не сыграл и не сыграет Паниковского, персонажа трагикомичного, «жалкого и ничтожного человека», вызывающего искреннее сочувствие. В этой роли даже хромота Гердту пригодилась. Так что Актера из него лепила и война.

Мне посчастливилось видеть Гердта в дружеских компаниях. Он любил своих друзей. И любил смеяться их шуткам. Но был неизменно серьезен и внимателен к происходящему с ними. Никогда не «тянул одеяло на себя»...

К счастью, голос Гердта сохранился не только на пленке. Остались рассказы, в которых он ясно слышен.

Один из них — перед вами.

1 апр. - с. 6. ● Олег ХЛЕБНИКОВ

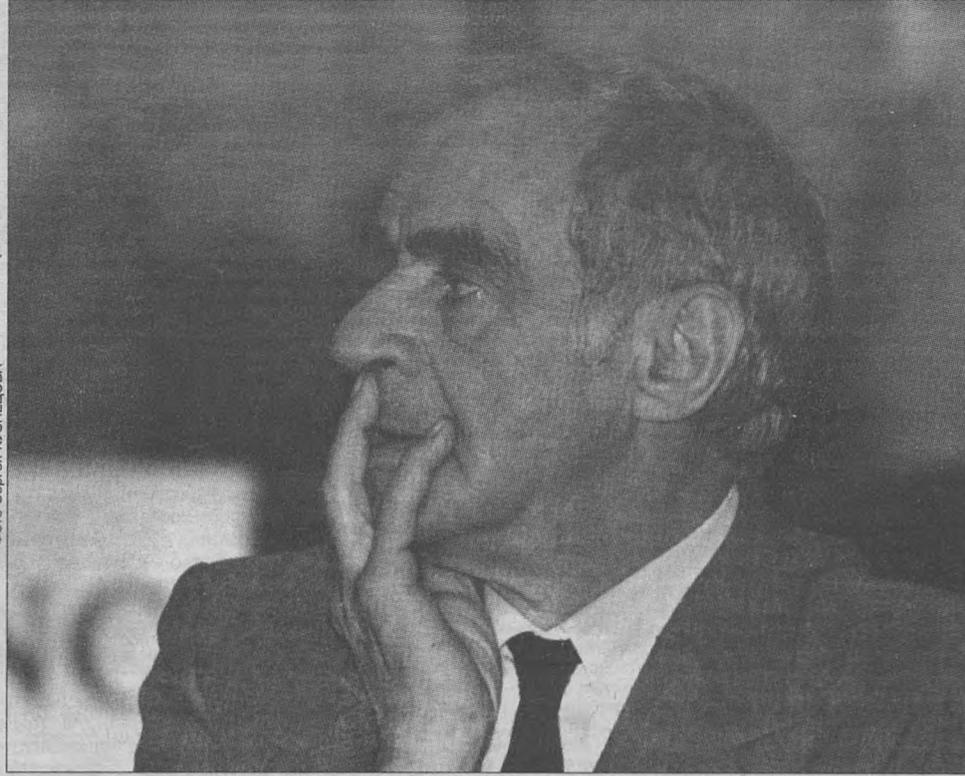

Фото Сергея КУЗНЕЦОВА

У одного доброго знакомого над рабочим столом — так мне представляется — висит календарь, на каждой пятнице которого помечено: «Позвонить Гердту». С такой пугающей периодичностью это длится третий месяц. Он затеял огромный труд (не он первый, по правде сказать): некое, насколько возможно, полное собрание анекдотов, связанных с именами значительных личностей ушедшего и проживаемого времени. Каким-то непонятным образом и я проясился в его перевозбужденном воображении. Думаю, из-за нашей с ним довольно редкостной тесноты*.

Сам он человек ученый, изумляюще методичный, составивший громадные карточки с выписками из Чехова и всей мировой писанины о нем; такие же ящики, формуляры, папки заведены на Маяковского, Светлова и еще кого-то. С чего бы, кажется? А вот с чего: он просто любит это занятие.

Однажды, лет тридцать тому, мы с ним к чьему-то юбилею для смеха взяли сочинить песенку. Ну взяли и взяли.

— Только, чур, писать буду я! — взмолился он.

— То есть?

— Ну в смысле — водить пером по бумаге. Я это обожаю! — затрясся он...

И в уме моем забрежжило, будто есть медицинское определение людей, страдающих таким недугом, но не вспомнил, как же он зовется... Равновесия ради должен признаться, что сама я страдаю строго противоположной болезнью: боязнь чистого листа. Прямо-таки отвращением, черт его подери!

Конечно, по поводу любого явления нашей жизни в голове возникают суждения, отзывы, ремарки, так сказать. Я их выбалтываю направо и налево с легкостью или даже со страстью. Сколько угодно! А сестра за стол и написать... Бог не дал. Лень непреодолимая. Но еще тягостнее каждую пятницу придумывать новые причины, почему не выполнил обещанного тезке. Вот это безвыходное обстоятельство и усидило меня за стол. Сегодня чертер!

Следовательно — анекдоты.

Если одним словом — обожаю! Конечно, есть сорта. Самый бедный, по-моему, тот, который держится на каламбуре. Когда переставленная буква, слог, созвучие забавно меняют смысл. Все это мило, но лишь в тех редких случаях, когда содержание каламбура счастливо умещается в подставленную форму. Тогда эффект изумительный. На моей памяти — один такой пример: говорят, что Михаил Светлов, разглядывая портрет Сергея Михалкова работы Кончаловского, изрек: «Погиб поэт — невольник тещи...».

Словарные, даже буквенные игры бывают очень обаятельны. Мой покойный сосед по дачному участку Константин Михайлович Симонов прочитал мне как-то пришедшее ему в голову четверостишие: **Был здоровый — стал недужный. Из тележки табельной**

Выпал. Никому не нужный, Никому не кабельный.

Ведь правда, изящно? Или когда мой дивный друг (тоже, к великой скорби, покойный) Давид Самойлов четыре года назад привез из Пярну малостраничную, изысканно изданную эстонцами книжку своих поэм. Он встретил во дворе Олю, жену Булата Окуджавы, — а они живут в доме рядом, — и та позвала его с ними отобедать. Дзизик с охотой принял приглашение и принес им этот тоненький подарок, надписав его так:

Оле и Булату — Книжечка поэм. И за эту плату Я у вас поем.

Вот это высокий, по моим понятиям, класс. Насколько это выше, скажем, ерунды, пришедшей мне на ум в каком-то провинциальном цирке во время выступления ансамбля лилипутов: «Если бы они были, — мелькнуло у меня, — цыгане, то, наверное, пели бы романс: «Эй вы, пони, пони-звери...». Господи, чушь какая! Впрочем, чем-то симпатичнее догадок типа «тель-авидение», «дермократы» или «прихвизация» — и еще много такого же нижайшего сорта, ну просто бормотухи. Но всё это вроде и не анекдоты вовсе. Хорошо. Поговорим о них.

Удивительное дело, в жуткие годы — конец сороковых — начало пятидесятых, когда каждое утро кого-то недосчитывались, рядом с оторопью и унижающим страхом уживались губительное легкомы-

Рисунок С. АРХАНЦОВА

слие, анекдоты, застолья и снова анекдоты.

Если говорить серьезно, анекдот — это... Впрочем, я помню случаи, когда это спасительное явление нашей жизни — анекдот — определил человек, много меня авторитетнее, опытнее и... вообще.

Год 1952-й (!)...

Я снимаю очень просторную комнату в большой коммуналке, населенной добрейшими людьми. Они понимали мое занятие и очень много прощали. Было это в Столешниковом, как раз над ювелирным магазином. Представляете, какое важное место для ночных сборищ!

После концертов, спектаклей здесь сходились Плучеки, Арбузовы, Консовские, Львовские, Райкины, Ласкины, Рина и Котэ (Зеленая и Тапуридзе), Тимошенко и Березин, Бруновы бывали, да многие заходи-

ЗИНОВИЙ ГЕРДТ

ПОЛ-ПАРИЖА ЗА УДАЧНОЕ СЛОВЦО?

С этого мига сведенные душой брови теряли энергию, глупокомыслие покидало не слишком приспособленные для этого лбы, в глазах посверкивали искорки давно ожидаемого упоения АНЕКДОТОМ. И каким-то волшебным образом все преобразается. Сгинули сталины, берии, рюмины, будто их и не было, и каждый стремится рассказать, и все смакует изюминку и хохочут от души над не таким уж и смешным... Кстати, это особое дело: смех над анекдотами в большой компании.

Я вспомнил ночь. Действующие лица примерно те же. В ту пору ходила по Москве эпитаграмма, кажется, Владлена Бахнова на московского поэта, уже тогда не скрывавшего своих пристрастий и отторжений:

Поэт горбат (это действительно горбоносный акт), **Стихи его горбаты. Кто виноват? Евреи виноваты.**

В ту ночь мы стали играть в предложенную Бахновым игру. Ну например: на Балтике тревожные закаты. Кто виноват? Евреи виноваты. А в Киеве все улыбки покаты. Кто виноват?.. Сатирики нередко пошловаты. Кто виноват?.. (Тут — не без доли правды.)

...Это длилось и длилось. Энтузиазма поиска и радостного хохота, казалось, хватит до рассвета. Но тут Юра Тимошенко, незабвенный Тарапушка, встрял как-то исподволь:

— Ребята, вы не замечаете, что мы смеемся уже над не очень смешным? Это инерция, это как семечки. Нужна перебивка...

Все замолкли с чувством неловкости, как если бы нас застали за чем-то постыдным.

— Я не хотел никого обидеть, — оправдывался Юра. — Это так понятно — мы очень смешливы. Знаете, вот уже года полтора, как я пришел к Тарасу, к нашему кобзарю. Господи! Как же губительна школьная программа! Эти разборки, выявления, что хотел сказать автор... Как же все это с юности отвращает от поэта. Бывает, на всю жизнь! И какое же счастье — встретиться с тенем по своему собственному наитию и влечению! послушайте, это огромный, межнациональный поэт, я не говорю о судьбе, я говорю о всечеловеческом лирике.

Он говорил долго и неторопливо. Речь была страстной и прерывистой.

— Вы не знаете украинского, но вы поймете:

Сагок вишневый коло хаты... (Долгая, душевная пауза). **Кто виноват? Евреи виноваты.**

И снова комната взрывается хохотом.

Я не солгу, если скажу, что каждый наш ночной сбор начинался высокоинтеллектуально, а заканчивался непременно рассказыванием анекдотов, и все от души хохотали, а дивные соседи всё терпели, потому что понимали, что мы иначе не можем.

И вдруг однажды мы все замечаем, что Миша Львовский, очень умный и очень веселый, и точно чувствующий даже намек на смешное Миша, сидит отрешенно, ни на кого не гля-

дя, с видом «Господи! Куда я попал!..». Всем делается стыдно-важно как-то... Действительно! Тут под боком Сталин, до Берии рукой подать, а мы... И тогда удручающую тишину отважно разрушает Валентин Николаевич Плучек.

— Миша, — дрогнувшим голосом сдержанно говорит Валентин Николаевич. И всем сделалось еще стыдней. Но великий оратор знает свою профессию — вместо жалких оправданий внезапно штурмует Львовского из всех орудий своего арсенала! — Ты жалкий сноб, Миша! Белоручка и чисто-полая. Врожденный маменькин сынок. Даже армия и война тебя не смогли исправить. Да! Мы интеллигенты, и мы рассказываем анекдоты! — Губы его дрожали, шея надулась, взор полыхал гневом и презрением. — А можешь ли ты вообразить, любезный наш Миша, что анекдот — это высшее достижение народного разума, квинтэссенция людской психологии, творческого духа, философии, если хочешь. А знаешь ли ты, дорогой Миша, что Вольтер сказал: «За удачное словцо порой готов отдать пол-Парижа!» — Этого, конечно, никто из нас не знал. — Я не говорю уже о Дидро, Гете и Вяземском. Да, мы рассказываем анекдоты, и все испытываем восторг от человеческого гения. Да-да, гения, Миша. И только ты один выше этого. Ты — литератор, поэт, драматург, творец, а мы — пошляки и ничтожества. Ты, Миша...

— Валентин Николаевич! — взмолился красивый и взмокший Миша. — Что вы такое говорите? Я не смеялся всем вашим анекдотам только потому, что я их не слышал. Ни одного!

— Как?

— Я боялся забыть свой анекдот.

Нет, что ни говори, анекдот — вещь загадочная.

...Ну, тезка, теперь хоть семь пятниц на неделе: я тебя не боюсь.

* Речь идет о Зиновии Палерном.